

Неутомимый путник

Недавно в Москве состоялась персональная выставка театрального художника Станислава Бенедиктова. Эскизы декораций и костюмов, макеты, оригинальная графика показали его творчество, если не во всей полноте, то все же достаточно объемно. Выставка была организована СТД РФ и Творческим центром имени В. Э. Мейерхольда.

Художник со всем своим неповторимым складом рождается сразу, как Афина из головы Зевса — как бы скромнее или велик не был его дар.

Работы Станислава Бенедиктова появились на театральных выставках в начале 70-х — «Жизнь Галилея», «Три толстяка», «Ревизор» — и очень скоро обнаружилось, что нет нужды читать имя на этикетке: так узнаваем был его мир. Ясный и хрупкий, живописно тонкий и конструктивно осмысленный, он содержал в себе разнообразные возможности игры.

В те годы, когда в воздухе витал знаменитый вопрос Мейерхольда: «Чем будем удивлять?», а сценографы совершали одно открытие за другим, нелегко было прокладывать путь, сторонний от концептуализма и ярких пластических метафор. Спектакли Бенедиктова — это своего рода проекция пластики, живописи, даже способа рисования на театральные подмостки. Отсюда — уровень условности и обобщения, поэтическое преобразование узнаваемой реальности, конкретных вещей, освобождение их от налета обыденности. Пространство пейзажно, порой космично («Легенда о Манкурте», «Капитанская дочка»). Оно может вырасти из архитектурного мотива или интерьера, легко переходит из предметной трехмерности в рельеф и живопись. Сценическая среда не остается неизменной, но развивается во времени почти спонтанно, или драматически акцентируя действие. Для балетных спектаклей он сочинил воздушные, изменчивые структуры.

Прежде в Кировском тюзее, а последние пятнадцать лет в Москве, в Центральном детском (Молодежном), в сотрудничестве с режиссером Алексеем Бородиным Станислав Бенедиктов не только ставил

спектакли — создавал театр. Ему близко понимание театра как общего дома, где усилие всех направлено к творчеству. Таким, видимо, был Кировский тюз. Испытание ожидало в Москве, когда режиссер и ху-

дожник получили отягощенное долгами наследство, — дом с прежними жильцами, своими традициями и влиятельными «друзьями театра» впридачу. Этот подарок (или удар) судьбы Бородин и Бенедиктов

встретили по-разному. Режиссеру, как руководителю, пришлось совершать маневры. Художник остался на своем посту как стойкий оловянный солдатик. Ему тоже приходилось ставить не то, что хотелось, выскивая в посредственных пьесах что-то близкое, какой-нибудь импульс для работы фантазии. Но шагу не сделал, чтобы подстроиться под сниженный тонус, вялую актерскую привычку. Не устал сочинять такую сценическую форму, пластическую и цветовую среду, чтобы на сцене зазвучала иная игра. Достаточно вспомнить два проекта: «Отверженные» и «Король Лир». Каждый из них — целая художественная система, сложная, многоплановая, продуманная в любой детали. Тема карнавала, которую художник до того трактовал как светлый праздник, украшение жизни, превратилась в «Лире» в тотальную игру масок — холодно-зловещую и трагическую.

Хорошо все-таки, что в эскизах, подчиненных закону графики или живописи, остаются жить идеальные представления художника о сцене, театре, спектакле. Бенедиктов знает, что на подмостках все будет грубее и материальнее и заранее выносит известную брутальность театра за скобки. В почти бесплотных фигурках, населяющих его эскизы, есть знак приязни к детскому взгляду на мир. Быть может, ощущая рядом этот взгляд — в силу сознательного выбора и жизненных обстоятельств, — художник удается совместить в творчестве понятия эстетического и нравственного свойства.

Теперь, спустя два десятка лет или эпох, среди работ Бенедиктова, собранных вместе, можно удивляться тому, каким неутомимым путником оказался художник, сколь прочным — мир изящных, подвижных образов, какой твердостью обладает воля к осуществлению и верностью — самоотдача.

Н. БОРИСОВА.

● Рисунок к «Королю Лир». Москва.

● Эскиз декорации к балете «Снегурочка». София.

